

ключевые конституционные ценности. Содержание учебной дисциплины конституционного права должно находиться в тесной взаимосвязи с передовыми идеями науки конституционного права. Сами представители юридического научного сообщества сегодня склонны к рефлексии о роли конституционного права и Основного закона в экономическом, политическом и идейном развитии страны¹. Полагаем закономерным вопрос о привлечении юридического научного сообщества к разработке содержания реформы высшего образования, анонсированной Президентом Российской Федерации и министром науки и высшего образования², а также стандартов подготовки по программам базового и специализированного высшего образования с учетом стратегических приоритетов и национальных интересов государства.

Каракулян Эмиль Альбертович,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры европейского и
международного права
юридического факультета
Национального исследовательского
Нижегородского государственного
университета имени Н. И. Лобачевского

Контурсы новой концептуальности в философии и науке международного права, «международноведения» в целом

Любые рассуждения в контексте возможной философии международного права (далее — ФМП) и международного сообщества (далее — МС) должны исходить из первоначальных утверждений о характере международной жизни, суть которого состоит в том, что два и более субъекта оказываются потенциально или актуально в состоянии конкуренции (пересечения) интересов, ведущей к сотрудничеству или к тому или иному типу противостояния, включая военное, определяется как естественно-социальное. Трактовки и мирного, и военного состояния так или иначе связаны с необходимым представлением о «другом» как о фундаментально равном («себе» или «всем»), то есть исходят из презумпции реального консенсуса существования: в одном случае приводящем к правовому согласию (на уровне обычая или договора), в другом — к различным по формам и уровням интенсивности отношениям, конкуренции, вплоть до вооруженного конфликта. Последнее (за рамками вопросов о справедливости и легитимности, в том числе в религиозном плане) может выражаться в противостоянии прежде всего двух типов: войны как дуэли («поединок» на основе «законов и обычаев войны») и «тотальной войны»³, сопряженной с идеей и практикой геноцида и военных преступлений в силу принципиального игнорирования различий между комбатантами и некомбатантами, в конечном счете — между политическим режимом и народом.

Другим исходным тезисом является суждение о том, что смысл международного права (далее — МП), международной жизни в целом, не может быть сведен к какому бы то ни было одному конституирующему основанию в виде события, причины или цели (например, «естественное» или «божественное» право схоластов, «общественный договор» и всевластие суверена у Т. Гоббса, «радикальное основание» К. Шмитта, «основная норма» Г. Кельзена, «господство права» Х. Лаутерпахта, «федерация федераций» Ж. Сселя) именно в силу принципа множественности,

¹ См.: Авакьян С. А. О роли конституционного права в условиях новых задач и концептуальных решений для политического будущего России // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2023. № 1. С. 3–21.

² Набиркина М. Новую систему высшего образования в стране запустят с 1 сентября 2025 года // Российская газета. 2024. 1 марта.

³ Термин нацистской идеологии и доктрины К. Шмитта, вышедший в последнее время на уровень и высказываний политических лидеров ЕС, и отдельных европейских государств в условиях специальной военной операции (далее — СВО) на Украине, — показатель неслучайной несоразмерности реакций на СВО, нацеленной на демилитаризацию и денацификацию. К. Шмитт: «Англия не стала “государством” в той же мере, что и крупные континентальные державы. Исходя из особенностей ведения морской войны, она разработала свое собственное понятие о тотальном враге и тотальной войне... Ибо только справедливая война является действительно “тотальной”». См.: Шмитт К. Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса / пер. с нем. Д. В. Кузницына. Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2006).

находящегося в основании любой социальной сферы, а также в силу характера международной сферы, определяемой приставкой «интер-», то есть промежуточного ее значения.

Политические субъекты (государства, нации и народы, борющиеся за независимость) формируются в условиях межсубъектного взаимодействия, и этот процесс субъектообразования не заканчивается с появлением международно-правовой субъектности. Переход к новой системе МП, который исторически всегда происходил военным образом, связан с изменением конфигурации основных действующих лиц, их состава, веса и возможностей. В целом «геометрия» межсубъектных взаимодействий в концентрированном виде отвечает на вопросы о субъектном составе, о характере межсубъектных отношений, о механизмах, принципах и нормах их взаимоотношений, о целях, о способах разграничения частного и общего интереса.

В систематизированном и обобщенном виде вышеобозначенные и связанные с ними аспекты социально-правового и философского содержания МП распределяются по четырем осям процессуального рассмотрения¹: а) *персонализация* (диалектическая трансформация миросоциальных отношений в категорию субъекта, intersубъектных отношений в категорию лица; общий процесс становления лица и правосубъектности); б) *гармонизация* (механизмы согласования интересов, воля и норм, включая правовые); в) *универсализация* (в том числе регионализация, расширение пространственной сферы действия норм, «конституциализация» правовой системы, выстраивание иерархии норм); г) *юридизация* «миросообщества» (становление правового социума, прав и обязанностей формируемой общности перед лицом субъекта; социум как «субъект» или «личность», *status iuridicus* МС²).

Именно на совокупности и взаимодействии обозначенных концептуальных рядов и строятся международно-правовые (и смежные с ней) доктрины, но в различных соотношениях (конфигурациях), в авторском и (или) дисциплинарно-специализированном виде. Если за идеей конфигуративности неизбежно следует тезис об относительной истинности любой концепции, то ценность доктрины по меньшей мере для ее сторонников должна по идее ассоциироваться с неким мета-теоретическим или метафизическим планом, нежели состоять собственно в концептуальных или дисциплинарных инновациях³. Это происходит, как правило, когда авторы, а за ними эпигоны или адепты доктрины вольно или невольно отождествляют формы своего правового мышления с формами всеобщего бытия. Неизбежно возникает дискуссия о том, чей способ «отождествления» ближе к истине. Если оппоненты используют один и тот же аргумент в своих интересах, то это говорит о недостаточной рационализации или логичности избранного способа аргументации (алогичность, паралогичность). В результате формируется предмет скорее некоего способа верования, нежели мышления и познания, в лучшем случае недостаточно осознанных интуиций, гипотез, умозрений или конкретизированных понятий. Но в узком, то есть дисциплинарном, смысле преодоление или оправдание относительности через отсылку к метафизическим пределам рациональности (что не отрицается) не может считаться ни единственным, ни удовлетворительным (достаточным) способом верификации. Необходимо найти внутренние (для правовой доктрины) критерии истинности и новизны, коль скоро сама по себе данная четырехзвенная конфигурация конститутивных процессов и соответствующих проекций не гарантирует с необходимостью их наличия и тем более их отличительности и отчетливости. Преодоление относительности через внутренние критерии истинности и будет движением на пути, с одной стороны, к новому или оригинальному способу видения предмета ФМП; с другой — к большей реалистичности (а также соответствия философии и науки МП). К данным критериям, не претендуя на полноту их охвата, мы относим следующие требования.

1. Не просто констатация данных четырех параметров исследования и его предмета (политико-правового социума), а их уточнение с точки зрения правового и исторического характера: *о каком именно процессе или аспекте персонализации идет речь (процессуальное видение).*

¹ См.: Калинина Е. В., Каракулян Э. А., Романовская В. Б. Очерки истории религиозной и светской политико-правовой мысли / под общ. ред. Е. В. Калининой: монография. Москва: Юрлитинформ, 2017. С. 187–203.

² См.: Кант И. Сочинения: в 8 т. Москва: Чоро, 1994. Т. 7. С. 52.

³ По сути, это вопрос о соотношении внутренней логики доктрины и ее метафизического состояния, то есть появление которого связывают с Аристотелем. По Э. В. Ильенкову, Кант, который видел грех Аристотеля «в том, что тот принял формы мышления за формы бытия и таким образом превратил логику в метафизику», поставил обратную задачу: «...превратить метафизику в логику» // Ильенков Э. В. Диалектическая логика. Очерки теории и истории. Москва: Политиздат, 1974. 271 с.

2. Конкретизация механизмов перехода от одного способа измерения к другому: *каким* именно способом *такой* процесс персонализации связан с *таким* именно процессом, например, гармонизации и иными параметрами из данных четырех (*системное* видение).

3. Выводы из пересечения первых двух параметров видения, *идентификации* векторов развития, качеств и состояний рассматриваемой системы.

В итоге должен осуществиться синтез истории, теории и философии МП, специальной правовой терминологии и трансправовых (трансдисциплинарных) смыслов. Но и после этого остается вопрос о соотносительности новации и традиции.

В поисках нового автор так или иначе склоняется к той или иной традиции науки МП в ее классической или неоклассической форме в силу того, что этих традиций — конечное число¹, а также потому, что вне историко-концептуальной традиции исчезает собственный предмет науки. В плане исторической последовательности смены международно-правовых проектов классической эпохи и с известной долей терминологической условности выстраивается следующий перечень доктринальных линий: анархо-либеральная (естественное и позитивное право, Г. Гроций; международное общение и право с элементами международной коммунитарности, Ф. Ф. Мартенс); анархо-консервативная (естественное состояние и межсуверенная мораль Т. Гоббса; межвластные отношения и суверенитет по Г. Ф. Гегелю); либерально-федеративная (морально-правовые принципы и космополитизм, И. Кант); либерально-консервативная (суверенитет просвещенных монархов, *civitas maxima* Эм. де Ваттеля и право на вмешательство во имя МС); лево-прогрессистская (позитивное право, государство и отношения между ними как результат классовой борьбы по линии социальной прогрессивности; характер международной жизни как следствие принадлежности государств к доминирующей социально-экономической формации, К. Маркс; ранний советский проект, сочетание реально-политических интересов и позитивного права, принцип мирного сосуществования с элементами лево-консервативного направления, утверждение суверенности социалистических государств); либерально-прогрессистская (международный суд, международные организации, права человека, Х. Лаутерпахт, Ж. Ссель); реально-консервативная (позитивное право и баланс сил, К. Шмитт, Г. Моргантау); линия современного критического направления в неолиберализме (кризис, критика евроцентризма, постколониализма, международно-правового эклектизма, Э. Жуане, М. Коскенниemi); лево-консервативное направление (суверенитет, социально-экономические приоритеты, принципы жизненных прав человека, народов и государств, социально-правовое в международном масштабе равенство цивилизаций).

Таким образом, международно-правовая парадигма в целом в ФМП и в жизни возникает как: (а) логико-концептуальная связь новых требований времени (историческая форма концептуализации) в отношении специальным образом уточненных; (б) конститутивных процессов, их соотношений и особенностей с учетом (в) ценностно-ориентируемых политико-идеологических категорий. Отсюда *новое* в данной сфере выступает как форма исторически относительной конкретизации «вечных оснований» (Д. Вико) предмета, структура которого рассматривается сквозь призму теории множественной конститутивности.

В силу сказанного основными направлениями международных исследований на новом этапе, на наш взгляд, могут и должны быть следующие².

1. Грядущий образ Мира зависит как от новых способов и факторов *персонализации* международных отношений, то есть новых способов и форм субъектообразования, становления лица и его правосубъектности, так и от новых способов *юридизации* соответствующего социума — МС с атрибутами специфической правосубъектности: политически фиктивной для универсального МС и функционально-действительной в рамках юридической фикции для региональных МС (коль скоро перед ними имеется соразмерный им субъект в отличие от универсального). В любом случае процесс персонализации новых правовых субъектов или политических лиц связан с идеей «персонализации Мира» и (или) региональных пространств. В действительности «персонализацией Мира» занимаются, прежде всего, государства, международно-правовое и цивилизационное бытие которых совпадает с бытием Мира (первичные субъекты, в политическом измерении —

¹ Например, «гроцианское» (Г. Гроций), «гоббсианское» (Т. Гоббс), «виконианское» (Д. Вико), «кантианское» и др., а также их разновидности.

² См.: Каракулян Э. А. Персонализация Мира. Контуры интерконцептуальной парадигмы философии международного права. Москва: РУСАЙНС, 2022. 314 с.

«великие державы»). Именно в этом ключе допустимо использование понятия «миродержавности» Н. Я. Данилевского¹.

2. Относительная актуализация доктрин «межсуверенного права» (в рамках отдельных аспектов «гоббсианской» традиции, политического реализма, сила и мораль в противовес праву международного социума) в сочетании с элементами правосубъективации универсального МС² (фикция *civitas gentium maxima*), политической персонализации региональных сообществ³, процесса международной правосубъективации человека, в диалектическом переплетении оппозиций «суверенитет / МС», «анархизм / коммунитаризм МС» и др. Иными словами, «надменности»⁴ великих держав необходимо противопоставить «разумный эгоизм» (по Н. Г. Чернышевскому), несвободный от идей величия или великодушия в отношении внешних и внутренних стратегий, частных и общих интересов в международной жизни. Так, современная российская декларация справедливости на международной арене должна сочетаться с идеей справедливости во внутренней жизни.

3. В анархо-коммунитарном международном пространстве особая роль и место выпадают на суверенитеты, то есть на государства, призванные упорядочить мир отношений и коммуникаций всех со всеми. Суверенитет играет роль стабилизатора динамичной системы, колеблющейся между дикой анархией «войны всех против всех» и глобальным надгосударственным правом унифицированного мира, неподконтрольного его субъектам (а также и его агентам или адептам).

4. Борьба идет и будет идти за характер международного общения и возможной коммуитарности (универсальной и региональной) как (с известной долей условности или модернизации) «слева», так и «справа» (между лево-консервативными и лево-либеральными программами, оказавшимися вконец с крайне правым консерватизмом), а по другим осям — с позиций глобализации, регионализации и реинтернационализации, безопасности и свободы, персонализации и деперсонализации⁵.

5. Телеология и политика МП для Российской Федерации в новых условиях должна опираться на концепты, примыкающие так или иначе к условным, если не классическим, контурам лево-консервативной внешне-внутренней политико-правовой доктрины или ее концептуального ядра, где приоритеты внешнего и внутреннего суверенитета сочетаются с принципами сохранения и развития социально-экономических, культурно-духовных прав человека и общества⁶ в целом, доктрины витальных прав человека, народов и государств⁷; в историческом плане для Российской Федерации речь идет об историко-концептуальной консолидации (гармонизации и синтезе) дореволюционного, советского и постсоветского периодов: историческое победоцентричное сознание и международное мировоззрение превыше любых политических или доктринальных разногласий.

6. Доктрина витальных прав человека, народов и государств базируется на принципах приоритета права на жизнь, социально-экономических, культурных и духовных прав в их взаимодополняющей

¹ См.: Данилевский Н. Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. Москва: Академический проспект, 2015. 602 с.

² Первая попытка оформления такого статуса, хотя и оставшаяся на уровне проекта, производилась при подготовке климатического соглашения в 2015 году. В сочетании статуса юридического лица в отношении планеты и требований новой климатической политики нарушители последних могли бы встать в ряд «врагов человечества», против которых допустимы любые способы воздействия.

³ Особенно после начала СВО Российской Федерации на Украине.

⁴ Как понятие фигурирует в теории войны Дж. да Линьяно (ум. в 1387 г.), выступающего характеристикой одного из видов войн.

⁵ Общее понятие в отношении различных аспектов делегитимации, десувверенизации, расчеловечивания, дегуманизации.

⁶ В выступлении Президента Российской Федерации В. В. Путина на сессии онлайн-форума «Давосская повестка дня 2021» выдвигались требования достижения мира через усиление социально-экономической согласованной политике на международной арене, а также в сфере образования и здравоохранения. URL: <https://www.vesti.ru/article/2515983> (дата обращения: 01.02.2021). В выступлении на заседании Международного клуба «Валдай» В. В. Путин заявил об исчерпании современной модели капитализма: «Все говорят о том, что существующая модель капитализма, а это сегодня основа общественного устройства в подавляющем большинстве стран, исчерпала себя. В ее рамках нет больше выхода из клубка все более запутанных противоречий»; «когда приходит настоящий кризис, остается только одна универсальная ценность — человеческая жизнь, и как ее защитить, каждое государство решает самостоятельно». URL: <https://www.rbc.ru/economics/21/10/2021/617182b79a7947da0cfe221a> (дата обращения: 12.12.2021).

⁷ В историко-правовом плане связана с доктриной «9 мая»: победы как основания для реализации права на жизнь.

связи с правами политическими, базового мирного сосуществования и единства индивидуальных и коллективных прав, международно-правовых и цивилизационных ценностей¹.

7. Метаправовой категорией (в условиях «войны» ценностей и идентичностей) может быть исключительно право на жизнь человека и цивилизационных пространств. Во всех остальных отношениях метаправовые дискурсы противоречат интернациональной сущности международной жизни, понимание которой должно базироваться на интерконцептуальных и межцивилизационных основаниях.

8. Западно-центричным концепциям прав человека (крайний индивидуализм и политизация прав и свобод) и международной жизни (цивилизаторство и неокOLONиализм) должны быть противопоставлены доктрины интернационального и межцивилизационного Мирозентризма.

9. В условиях усложнения МС, связанного с фрагментацией МП, внешнеполитическим ориентиром Российской Федерации должна быть стратегия, направленная на формирование соответствующего федеральным интересам «Евразийского», и (или) «Российского союза наций».

10. Новации в науке обеспечиваются, прежде всего, со стороны субъекта, оказывающего весомое и действительно творческое влияние на миропорядок.

11. Понимание процесса, обобщенного понятием «персонализация Мира», в фиктивном или институционно-правовом измерении (принципы *erga omnes*, концепции «гуманитарное вмешательство», «ответственность по защите») должно быть сбалансировано доктриной «персонализации человечности», философская сущность и теоретико-правовая фиктивность которой ассоциируется с идеей гуманизации «больших», региональных пространств на основе примата витальных прав человека и «больших групп людей», государств и цивилизаций. Россия должна предложить миру новый образ «всемирности и всечеловечности»², «самостояния» человека как «залога величия его» (А. С. Пушкин), что относимо и к пониманию фактора цивилизаций в многополярном мире.

12. Идеям линейного прогресса, развития от «центра» к «периферии» должны быть противопоставлены концепты поступательного³ (всестороннего) развития на основе антропологического видения МП. Полицентричный мир может быть сформирован и стабилизирован на основе соответствующей универсальной системы и региональных принципов коллективной безопасности.

Систематика вышеобозначенных тезисов рассматривается концептуальной основой для общих и специальных исследований и дисциплин в рамках «международноведения» и правоведения в целом гуманитарного образования, а также для формирования соответствующей идеологии, которая в условиях запрета может быть квалифицирована исключительно в качестве конституционной в широком и специальном смысле, коль скоро речь идет о фундаментальных принципах и ценностях внешнего и внутреннего публичного порядка (другой стороной международной жизни оказывается борьба за характер и идентичность внутреннего публичного порядка). Иными словами, конституционный запрет на государственную идеологию в принципе не означает отрицания идеологии конституционной, несвободной от необходимости совершенствования. Именно конституционно оформленный субъект международной жизни легитимен в отношении влияния на все обозначенные конститутивные процессы (будь то в форме реальной конституции политического тела или в сугубо правовой форме текста конституции).

Князькин Сергей Игоревич,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского
и административного судопроизводства
Российского государственного университета
правосудия

Проблемы повышения роли юридической науки в современном российском обществе

Наука в целом и юридическая наука в частности всегда играла стратегическую роль в развитии общества и государства. В условиях глобальной трансформации международной архитектуры

¹ См.: Каракуляна Э. А. Доктрина витальных прав человека, наций и народов в контексте философии международного права // Вестник Национально-исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского. № 2. 2022. С. 43–52.

² См.: Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Ленинград: Наука, 1984. Т. 26. 512 с.

³ Определение, заимствованное из области физики: «движение, при котором все точки тела движутся одинаково».